

УДК 33
DOI 10.17223/19988648/30/12

Е.В. Козлова

СОВРЕМЕННЫЕ ТЕОРИИ МЕЖДУНАРОДНОЙ ТРУДОВОЙ МИГРАЦИИ КАК МЕТОДОЛОГИЯ РАЗРАБОТКИ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ МИГРАЦИОННОЙ ПОЛИТИКИ

Исследования факторов динамики, закономерностей развития и последствий международной трудовой миграции занимают важное место в структуре западной социально-экономической науки на протяжении последних шести десятилетий. За это период времени было проведено немало оригинальных исследований миграционных проблем в десятках стран мира, сформированы уникальные научные подходы к определению причинно-следственных связей в рамках миграционной динамики (например, теории человеческого капитала, оптимизации домохозяйств, модель Тодаро и т.д.). В статье делается попытка обзора основных результатов наиболее выдающихся исследований процессов международной трудовой миграции, проведенных с середины XX в., а также предложение на основе их результатов авторской методики оценки миграционных рисков со стороны населения иностранных государств, которая может быть учтена в процессе разработки модели российской миграционной политики как на региональном, так и национальном ее уровне.

Ключевые слова: международная миграция рабочей силы, человеческий капитал, урбанизация, модель Тодаро.

Эмпирические исследования факторов, определяющих динамику, структуру и показатели как внутренней, так и международной трудовой миграции, широко распространены в западной социальной и экономической науках, активно проводились научными работниками, университетскими центрами, а также представителями органов региональной и национальной государственной власти, экспертами международных организаций.

Наличие широкой базы эмпирических результатов, полученных различными учеными в разное время (соответственно в различных условиях динамики рыночной конъюнктуры), позволяет предположить теоретические основы формирования миграционной политики в Российской Федерации, в условиях развития которой проблемы, стимулированные международной трудовой миграцией, как нельзя актуальны и своевременны.

Большинство известных эмпирических исследований явления международной трудовой миграции проводилось на основе использования агрегированных макроэкономических показателей. Кроме того, несмотря на богатство возможностей определения факторов и причин международной трудовой миграции (особенно с учетом альтернативных современных подходов к ее научному определению), большинство практических исследований миграционных процессов основывалось на известной и функциональной зависимости динамики международной трудовой миграции от величины заработной платы (в стране отправления и назначения), вероятности трудоустройства (в стране отправления и назначения), величины издержек мигранта на принятие миграционного решения.

Результаты многочисленных эконометрических исследований совокупных миграционных потоков (реализованных как в рамках неоклассической модели, так и современных альтернативных видений международной трудовой миграции) подтверждают, что ведущим условием принятия миграционного решения выступает фактор ожидаемого в стране назначения мигранта дохода. В то же время результаты исследований динамики международной трудовой миграции становятся менее предсказуемыми при включении в методологию исследования переменного показателя вероятности трудоустройства (по модели Тодаро). Так, к примеру, значение критерия вероятности трудоустройства и показателя ожидаемого срока получения первой заработной платы в стране назначения было весьма существенно для трудовых мигрантов из Танзании [1], Венесуэлы [2], Филиппин [3] и Колумбии [4].

Социальные потрясения на Западе в 1960-х гг., связанные с ростом неконтролируемой внутренней трудовой миграции, стимулировали многочисленные научные исследования миграции из сельской местности в города. Так, К. Бишоп еще в 1967 г. доказал на эмпирическом уровне взаимосвязь между динамикой урбанизации (миграции сельского населения в города) с провалами рынка труда в сельской местности – неспособностью сельского рынка труда регулировать потоки трудящихся, распространять информацию и гибко реагировать на динамику отраслевой конъюнктуры.

Г. Шу в своем новаторском исследовании, ставшем отчасти базисом формирования модели М. Тодаро, привел эконометрические данные, подтверждающие, что увеличение ожидаемых доходов в несельскохозяйственных сферах приложения труда, равно как и сокращение безработицы, привело к росту предложения на рынке труда в сельскохозяйственных отраслях народного хозяйства! Г. Шу также обнаружил, что рост доходов в сфере сельского хозяйства (например, в результате реализации государственных программ поддержки цен на сельхозпродукцию), а также рост уровня образования среди жителей сельской местности ПОЛОЖИТЕЛЬНО сказались на динамике миграции трудового населения в города!

Э. Баркли доказал эмпирическим путем, что строгие ограничения трудовой миграции в странах назначения и даже рост безработицы в них выступают гораздо менее значимыми факторами в процессе принятия миграционного решения, чем конъюнктура рынка труда в стране (регионе) происхождения трудового мигранта [5].

Также определенный интерес вызывают оригинальные исследования взаимосвязи между динамикой, факторами международной трудовой миграции и формами миграции – законная или незаконная, нелегальная. Так, Д. Дженкинс [6], проанализировав динамику законной и незаконной трудовой миграции между США и Мексикой в период с 1958 по 1972 г., пришел к выводам, что наиболее влиятельным фактором при принятии миграционного решения в данном случае также был показатель вероятности трудоустройства мигранта в США. Более того, автор доказал эмпирическим путем, что при передвижении вглубь Мексики (с удалением от мексиканско-американской границы) фактор получения работы в Америке становится все более определяющим при принятии миграционного решения, чем фактор разницы в заработных платах в аграрной индустрии Мексики и промышленности Штатов.

Наконец, наверное, самое интересное заключение автора (кстати, эмпирически доказанное и позднее, например, в работах М. Бледжера, Х. Джонсона и К. Прозекански) в том, что теоретические предположения (в частности, модель М. Тодаро или более ранние неоклассические модели трудовой миграции) в большей мере реализуются именно в сфере незаконной трудовой миграции. Данный вывод можно объяснить только тем, что в сфере незаконной, теневой миграции формируются более приближенные к условиям «дикого» рынка труда отношения, агенты этого рынка взаимодействуют на принципах совершенной конкуренции и практически неограниченного предложения и спроса на рынке труда.

Официальная трудовая миграция, в которой взаимодействия между агентами регулируются законами, в том числе и направленными на искусственное сокращение привлекательности как мигрантского труда в стране назначения, так и в самой международной миграции, удалена от условий «идеального» рынка, а следовательно, адаптированные для несения предсказательных и предписательных функций неоклассические модели, подразумевающие идеальную рыночную среду, будут даже более действенными в их применении в отношении незаконной трудовой миграции.

Исследования Р. Эмерсона [7] представляют собой отличный пример использования теоретического концепта человеческого капитала в определении ожидаемой доходности миграционного решения. Исследование базировалось на модели «двигателя длительного разгона» (в основе данной модели представление о долгосрочности окупаемости расходов домохозяйства на принятие и реализацию миграционного решения) с использованием анализа большого массива персональных данных трудовых мигрантов в сельскохозяйственных сферах южных штатов США (Флорида, Луизиана), а также (несколько позднее) в регионах Южной Франции.

Р. Эмерсон раздельно оценивал доход, получаемый иностранными трудовыми мигрантами и местным населением, выполняющими одну и ту же работу в сельском хозяйстве. Полученные результаты демонстрировали, что в США иностранные трудовые мигранты способны «прожить» на 33–39% от получаемого дохода и при этом коэффициент удовлетворения жизнью у мигрантов на 20–40% превышает аналогичный показатель местных жителей!

Более того, трудовые мигранты в США оказались готовыми тратить до 20% от получаемого дохода на повышение значения собственного человеческого капитала (например, активно учить английский язык, пройти дополнительное образование или подтверждение имеющейся квалификации, даже поступить в местные университеты).

Интересно отметить, что местные жители, занимающие аналогичные трудовые позиции с иностранными мигрантами, были не готовы тратить часть своего дохода на получение дополнительного образования, а соглашались на это только с учетом существующих программ государственного финансирования или кредитования!

Отдельно стоит отметить, что, проводя свои исследования, Р. Эмерсон не давал опрашиваемым мигрантам гарантии того, что в случае увеличения ими собственной квалификации или образования они обязательно получат повышение по месту работы или более высокую заработную плату.

Основываясь на полученных результатах, Р. Эмерсон обосновал тренд на рост разницы в величине заработных плат мигрантов и местных жителей (абсолютное поражение в трудовых правах мигрантов, абсолютные преимущества местных жителей). Вместе с тем, не имея абсолютных преимуществ на рынке труда, мигранты способны активно вовлекаться в работу в сферах, где у них есть сравнительные преимущества (как пример адаптации теории сравнительных преимуществ в мировой торговле Д. Риккардо).

С помощью этой адаптации, правомерность которой доказана, в том числе и результатами блестящих исследований трудовых мигрантов в двух совершенно различных регионах мира, проведенных Р. Эмерсоном, можно определить, что развитие миграции из беднейших стран будет способствовать в стране назначения в краткосрочном периоде:

- вытеснению местного населения из трудоемких и не требующих высокой квалификации сфер (например, сельское хозяйство с использованием ручного труда, сфера обслуживания, немеханизированные производства);

- снижению качества предлагаемых трудоемкими и не требующими высокой квалификации сферами товаров и услуг (например, сокращение качества бытового обслуживания, товаров сельскохозяйственного производства или ручного изготовления);

- росту сверхприбыли в трудоемких и не требующих высокой квалификации сферах (за счет использования более дешевого труда мигрантов), что вызовет приток капиталов в эти сферы из других, рассчитанных на инновационное развитие и дающих места для работы местного населения. Данный дисбаланс в структуре народного хозяйства страны назначения в результате приведет к крайне нежелательным последствиям (для местного населения в первую очередь).

Прежде всего, потенциал трудоустройства местного населения будет сокращаться за счет перетока производственных факторов в сферы приложения труда иностранных мигрантов. Это вызовет девальвацию квалификации, образования и профессионализма на рынке труда, будет способствовать вымыванию человеческого капитала в стране приема иностранных трудовых мигрантов. В долгосрочной перспективе это будет способствовать снижению динамики инновационного прогресса, инновационного потенциала местного общества, лишению государства важного современного фактора экономического роста.

Снижение заработной платы (вследствие популяризации труда иностранных мигрантов), следующее за этим снижение качества жизни (качество услуг образования, здравоохранения, культурного досуга и т.д.) ускорят деградационные процессы в обществе и государстве.

Кроме этого, развитие миграции из беднейших стран мира негативно скажется и на самих мигрантах. Дисбаланс народнохозяйственной системы страны приема иностранных трудовых мигрантов, связанный с ростом сверхприбыли в трудоемких и не требующих высокой профессиональной квалификации сферах, в краткосрочном периоде вызовет приток иностранных мигрантов (за счет экстенсивного роста данных отраслей страны приема и заинтересованности национального бизнеса в собственной сверхприбыли). С увеличением потока мигрантов, равно как и с ростом конкуренции в стране при-

ема, бизнес, стремясь сохранить сверхприбыль, будет планомерно сокращать заработные платы мигрантам, пользуясь их меньшей правовой и социальной защищенностью, так же как и практически неограниченным предложением на международном рынке труда в его неквалифицированном и непрофессиональном сегментах.

Можно предположить, что в самой долгосрочной перспективе страна приема достигнет баланса на рынке труда, просто потеряв собственную привлекательность для трудовых мигрантов за счет резкого ухудшения условий жизни местного населения (в том числе и из-за обострения социальных проблем, связанных с трудовыми мигрантами), вымывания собственного потенциала инновационного и технологического экономического роста и социального прогресса.

То есть долгосрочный баланс будет достигнут высокой ценой, а трудовая миграция из бедных государств будет способствовать разрушению принимающей экономической системы. Народнохозяйственная модель, способная достичь высокой динамики прогресса за счет производственных факторов и конкурентных преимуществ максимально высокого порядка (инновации, квалификация, информационные технологии [8. Р. 530–541], метатехнологии [9]), в условиях развития за счет собственных трудовых ресурсов, столкнувшись с доступностью неквалифицированного труда, может не получить дополнительных стимулов для реализации заложенной траектории хозяйственного прогресса, а наоборот, растерять накопленный потенциал развития, упуститься до уровня стран-поставщиков трудовых мигрантов на мировой рынок труда.

Основываясь на достижениях современных теорий человеческого капитала в научном определении структуры и динамики международной трудовой миграции, можно провести исследование макроэкономических показателей современных государств на определение возможностей формирования массовых потоков неквалифицированных трудовых мигрантов, а следовательно, стран потенциальных угроз балансу народнохозяйственной системы страны приема трудовых мигрантов.

Основное предположение исследования в том, что в различных государствах, обладающих различным уровнем своего социально-экономического развития, индекс человеческого капитала представляет собой совершенно различающуюся величину и выражается прежде всего в показателях производительности труда, которую представляется возможным определить статистическими методами на основе базы данных Всемирного банка.

Согласно предположениям сторонников теории человеческого капитала как фактора и причины международной трудовой миграции, положительное миграционное решение будет принято, если носитель человеческого капитала будет уверен в собственном трудоустройстве в стране приема и в том, что он сможет зарабатывать там большие (по крайней мере на сумму прожиточного минимума в стране происхождения трудового мигранта) деньги.

В данном исследовании анализируется только массовая и неквалифицированная трудовая миграция, следовательно, вероятность того, что приехавшие мигранты смогут в стране назначения моментально нарастить собственный человеческий капитал, стремится к нулю.

Вероятность формирования миграционных потоков и миграционных угроз в современной мирохозяйственной системе

№	Страна	Мин. зарплата, \$	Средняя зарплата, \$	Продолжительность труда, \$	Показатель	№	Страна	Мин. зарплата, \$	Средняя зарплата, \$	Продолжительность труда, \$	Показатель
1	Замбия	317	780	5470	4,98	29	Россия	1800	13620	26606	1,79
2	КСА	7500	15108	73630	3,25	54	Перу	5340	4680	12068	1,2
3	Норвегия	16900	44136	191372	3,13	55	Польша	7740	18432	31128	1,18
4	ОАЭ	10100	9840	60430	3,03	56	ЮАР	2500	22056	28650	1,16
5	Венесуэла	3400	5160	24980	2,91	57	Турция	7060	20772	32249	1,15
6	Австралия	20027	31320	123024	2,39	58	Тунис	2950	9120	13699	1,13
7	Иордания	2450	5880	19734	2,36	59	Филиппины	2400	3060	6047	1,1
8	Италия	12100	29340	94737	2,28	60	Шри-Ланка	1617	5040	7327	1,1
9	Уругвай	3000	9660	28632	2,26	61	Индия	520	3348	4097	1,05
10	Швеция	15490	36276	116083	2,24	62	Кипр	11900	31260	45542	1,05
11	Япония	11200	30264	92602	2,23	63	Китай	1550	7308	9340	1,05
12	Португалия	9000	13560	48935	2,16	64	Грузия	279	7104	7141	0,96
13	Казахстан	1442	9000	22212	2,12	65	Ю. Корея	12800	34836	45683	0,95
14	Бразилия	3916	9096	26966	2,07	66	Пакистан	1178	2724	3621	0,92
15	Испания	11200	28224	80996	2,05	67	Кения	830	1752	2395	0,92
16	Канада	16100	32688	99980	2,04	68	Таиланд	4400	5700	8987	0,88
17	Бельгия	18800	36420	111455	2,01	9	Эквадор	5600	7800	11075	0,82
18	Франция	17100	34620	101936	1,97	70	Украина	1661	7800	7612	0,8
19	Словения	8800	18240	52687	1,94	71	Вьетнам	1000	2040	2423	0,79
20	США	15100	39156	103451	1,9	72	Македония	4300	16140	15575	0,76
21	Чили	5400	11952	33019	1,9	73	Киргизия	251	3540	2738	0,72
22	Германия	16500	32640	90511	1,84	74	Марокко	2650	12960	9521	0,6
23	Финляндия	23100	35100	105723	1,81	75	Бангладеш	798	1884	1580	0,58
24	Австрия	14100	41244	100075	1,8	76	Боливия	2904	6480	5162	0,55
25	Эстония	5700	14580	36144	1,78	77	Гана	698	6720	3944	0,53

Логично изучить современные государства мира на предмет того, смогут ли иностранные мигранты в них получать большие деньги, работая с той же производительностью труда, что и у себя на родине. Можно предположить, что страны мира, в которых трудовые мигранты, продолжая работать с использованием аналогичного человеческого капитала, получают меньшие, чем на родине, деньги, будут привлекательны в первую очередь для нелегальных мигрантов, мигрантов, не способных социализироваться и развивать собственный трудовой капитал как в краткосрочной, так и в долгосрочной перспективе. А следовательно, страны происхождения таких трудовых мигрантов представляют собой угрозу дестабилизации народнохозяйственной системы принимающей страны.

В исследовании были учтены макроэкономические показатели 77 современных государств мира, использована статистика Всемирного банка, результаты представлены в таблице.

По данным таблицы видно, например, что житель Норвегии со свойственной ему производительностью труда (как важнейшей характеристикой человеческого капитала работника) практически везде в мире сможет зарабатывать больше, чем у себя на родине. Следовательно, трудовая миграция из Норвегии, допустим, во Францию не представляет никаких угроз для народнохозяйственной системы последней, поскольку прибывающие северяне выступают носителями высокого человеческого капитала и могут оказать положительное влияние на принимающее государство своей высокой производительностью труда.

С другой стороны, индус, например, в Турции или Испании не сможет зарабатывать больше, работая так же как и в своей собственной стране. Следовательно, индус является носителем более низкого (чем испанцы и турки) человеческого капитала, поэтому формирование массовых миграционных потоков из Индии в Испанию или Турцию будет носить характер угрозы (причем более высокая угроза будет в отношении Испании).

Жители России смогут зарабатывать больше (работая так же как и в самой России), например, в Китае, Таиланде или Киргизии, тогда как прибывающие в Россию в массовом порядке жители Китая или Киргизии могут стимулировать ряд дестабилизирующих национальную народнохозяйственную систему проблем.

Отдельно необходимо прокомментировать ряд очевидных спорных моментов в приведенной таблице. Так, лидерство Замбии в таблице основано не на том, что в стране высокая производительность труда, а на том, что в стране крайне низкие (в сравнении с производительностью труда) заработные платы. Следовательно, работая в условиях крайне низких заработных плат в собственной стране, замбиец сможет зарабатывать больше практически в любой стране мира. Например, в соседней ЮАР замбиец сможет зарабатывать от 3000 до 4000 долларов в год, тогда как в родной Замбии 780 долларов.

В составе лидеров можно выделить Венесуэлу. Очевидно, что страна попала в топ-лист не благодаря высокой производительности труда, а низким заработным платам. Следовательно, венесуэлец сможет получать больше (работая так же) во многих странах мира (например, в ЮАР в 4 раза больше, а в Бразилии – почти в 2 раза больше, чем в самой Венесуэле).

Сравнивая две супердержавы (с точки зрения их национального населения) – Индию и Китай, можно отметить, что дестабилизирующая угроза китайской миграции в Индию немного выше дестабилизирующей угрозы индийской миграции в Китай.

Аутсайдерские позиции Таиланда и Южной Кореи определяются тем, что в этих странах искусственно занижена производительность труда (за счет социальных программ поддержания нулевой безработицы и «избыточной» занятости).

Наконец, Бангладеш – государство с крайне низкой производительностью труда, но при этом с относительно высокими заработными платами (в сравнении с производительностью труда). Бангладешец как носитель минимального человеческого капитала нигде в мире не может зарабатывать больше, работая так же как и у себя на родине. А следовательно, это потенциальный участник процессов нелегальной миграции, фактор дестабилизации народно-хозяйственных систем практически любого государства мира – от соседней Индии до более географически отдаленных стран (что особо актуально на фоне растущей численности населения Бангладеш).

Основываясь на приведенной методике оценки миграционных угроз со стороны жителей иностранных государств, а также на возможных последствиях нерегулируемого развития международной трудовой миграции, определенных в рамках современных подходов к теоретизации миграционной динамики, можно выделить ряд принципиальных положений модернизации отечественной миграционной политики (как на национальном, так и на региональном уровне).

Прежде всего, принципиальным положением миграционной политики России должна быть ее двухвекторность – одновременная направленность на внутренние и внешние стратегические ориентиры.

В качестве внутренних ориентиров можно рассматривать методы государственного регулирования, поддержания баланса национальной народно-хозяйственной системы. Государство должно ограничивать гипертрофированный рост сфер, активно использующих неквалифицированный труд иностранных мигрантов; регулировать потоки капитала в трудоемкие и не требующие высокой квалификации отрасли народного хозяйства; лимитировать предложение неквалифицированной иностранной рабочей силы на внутреннем рынке труда; сохранять достигнутые показатели и факторы национальной конкурентоспособности; планомерно реализовывать национальную политику экономического роста за счет преимуществ все более высокого порядка.

Вторым важным внутренним направлением государственной миграционной политики должны стать сами мигранты, рассматриваемые как индивиды, так и как члены иностранных домохозяйств (семей).

С учетом готовности иностранных мигрантов тратить до 10–20% своего дохода на получение дополнительного образования, более высокой квалификации и т.д. логично разработать социальную компоненту национальной миграционной политики, направленной на активизацию обучения и повышения квалификации иностранных мигрантов в России либо полностью за счет мигрантов, например, реализовав специальные программы льготного кредито-

вания покупки образовательных услуг, либо частично за счет специализированных фондов.

В качестве такого фонда может быть предложен, например, Фонд социальной поддержки мигрантов (ФСПМ), в который работодатели будут переводить часть налога на доходы мигрантов (как пример, величина превышения налога над общегражданской ставкой НДФЛ в России), а также полную стоимость патентов, уплачиваемых трудовыми мигрантами ежегодно, добровольные отчисления диаспор и суммы оплаченных трудовыми мигрантами штрафов за нарушение миграционного законодательства России (в полном или частичном объеме).

Предположив официальное количество трудовых мигрантов в России в 2 млн человек, бюджет такого фонда может составить порядка 95 млрд руб., что позволит активно использовать ФСПМ в реализации как программ социализации и повышения квалификации трудовых мигрантов, так и оплаты стоимости санкционных процедур (например, депортации мигрантов на родину).

Внешним ориентиром модернизации миграционной политики России должен стать отказ от принципа универсализации миграционных требований в пользу разработки и внедрения принципа двухсторонних соглашений Российской Федерации и иностранных государств. В предлагаемой версии отечественной миграционной политики правила реализации инициатив иностранных мигрантов будут зависеть от страны происхождения мигранта (точнее, от факта наличия специализированного соглашения России и страны происхождения мигранта и содержания этого соглашения).

Таким образом, базовыми принципами реализации внешних ориентиров национальной миграционной политики должны стать:

- двусторонний договор (наличие соглашения между Российской Федерацией и конкретной страной или группой стран, например, ЕС или АЭС);
- динамичность (условия трудовой миграции в Российскую Федерацию должны регулярно пересматриваться);
- оценка миграционной угрозы (со стороны страны-подписанта соглашения с Российской Федерацией), основанная в том числе и на результатах использования предложенной методики;
- взаимная ответственность стран-подписантов;
- координация миграционной и пограничной политики стран-подписантов (с целью недопущения превращения страны отправления, подписавшей двухсторонний договор с Россией, в «перевалочный» пункт для жителей третьих стран);
- умеренная дискриминационность миграционной политики (различия в миграционных требованиях для иностранцев с различным уровнем образования, стажем работы, знанием русского языка и т.д.);
- территориальное рассредоточение миграционного контроля (перенос ряда функций миграционного контроля на территорию страны отправления, например, функции предмиграционной аттестации).

Считаем, что реализация этих принципов в полной мере не только будет способствовать росту эффективности национальной миграционной политики,

но и позволит ей превратиться в мощный инструмент внешнеполитического давления.

Литература

1. *Probabilities*, and Rural-Urban Migration in Tanzania. Barnum H.N. and R.H. Sabot, 1975, Education, Employment Probabilities and Rural-Urban Migration in Tanzania, paper presented at 1975 World Congress Econometric Society. С. 221 [Electronic resource]. Режим доступа: <http://www-wds.worldbank.org/external>, свободный (data of access: 11.03.2015).
2. *Human Capital: Migration and Rural Population Change*. Levy M.E. and W.J. Wadyski, 1974, Education and the Decision to Migrate: An Econometric Analysis of Migration in Venezuela. С. 70–88 [Electronic resource]. Режим доступа: <http://reap.ucdavis.edu/research/Human.pdf>, свободный (data of access: 11.03.2015).
3. *Remittances and the Brain Drain*. Rempel H. and R. Lobdell (1978), The role of urban-to-rural remittances in rural development, *Journal of Development Studies*, 14, 324–341. Rodriguez E. and S. Horton (1994), International return migration and remittances in the Philippines. С. 24–41 [Electronic resource]. Режим доступа: <http://ftp.iza.org/dp2155.pdf>, свободный (data of access: 11.03.2015).
4. *Human Capital: Migration and Rural Population Change*. Falaris, W.M., 1987, A Nested Logit Migration Model with Selectivity, *International Economic Review* 28(2):429–443. ... 2(2):165–88., 1979, Lifetime Migration in Colombia: Tests of the Expected Income Hypothesis, *Population and Development Review* 5 (June). С. 180 [Electronic resource]. Режим доступа: <http://reap.ucdavis.edu/research/Human.pdf>, свободный (data of access: 11.03.2015).
5. *Human Capital: Migration and Rural Population Change*. Falaris W.M., 1987, Lifetime Migration in Colombia: Tests of the Expected Income Hypothesis, *Population and Development Review* 5 (June). С. 72–73 [Electronic resource]. Режим доступа: <http://reap.ucdavis.edu/research/Human.pdf>, свободный (data of access: 11.03.2015).
6. *Human Capital: Migration and Rural Population Change*. Barkley Andrew P., 1990, The Determinants of the Migration of Labor out of Agriculture in the United States, 1940–85, *American Journal of Agricultural Economics* 72(3):567–73 (August) С. 78–89 [Electronic resource]. Режим доступа: <http://reap.ucdavis.edu/research/Human.pdf> (data of access: 12.03.2015).
7. *Emerson Robert D.*, 1989, Migratory Labor and Agriculture, *American Journal of Agricultural Economics* С. 617–629 [Electronic resource]. Режим доступа: <http://www.irle.berkeley.edu/>, свободный (data of access: 12.03.2015).
8. *Porter M. Competitive advantage: How to achieve high results and to ensure its sustainability: Per. s angl. E. Kalinina. 2nd ed. M.: Alpina publisher", 2008. 720 p.*
9. *Delyagin M Global crisis. The General theory of globalization. 2003. S. 245–252.*

E.V. Kozlova. Department of Social Technology, Faculty of Humanities Rostov State Transport University, Rostov-on-Don, Russia. E-mail: st5567@yandex.com

MODERN THEORIES OF INTERNATIONAL LABOR MIGRATION AS A METHODOLOGY FOR THE DEVELOPMENT OF THE NATIONAL MIGRATION POLICY IN RUSSIA

Keywords: International migration of labor; Human capital; Urbanization; Todaro model.

The numerous empirical findings obtained by different scientists at different times make it possible to determine the theoretical foundations for the elaboration of migration policy in the Russian Federation.

Most empirical studies aimed at the phenomenon of international labor migration were carried out using aggregated macroeconomic indices. The results of numerous econometric studies of aggregate migration flows confirm that the driving condition for making the decision to migrate is the factor of expected income in the destination country. In 1967 K. Bishop proved the correlation of the change in urbanization and the failures of labor market in rural areas. G. Shu provided econometric evidence confirming that an increase in expected earnings in nonagricultural areas of employment leads to an increase in labor supply in the agricultural sectors of economy.

Based on the achievements of the theories of human capital in defining the structure and change of international labor migration, we conduct a study on macroeconomic indicators of modern countries in order to identify the opportunity of forming massive flows of unskilled migrants. The basic hypothesis of the study is that different countries with different levels of socio-economic development

have completely rather different values of local human capital index, which is expressed, primarily, through productivity. This is possible to determine using statistical methods and data of the World Bank.

The study takes into account macroeconomic indicators of 77 modern countries in the world and the World Bank statistics.

Based on the methodology for assessing migration threats from foreign countries' residents, as well as the possible consequences of unregulated development of international labor migration, we can identify a number of key provisions for the modernization of the national migration policy.

As being the internal direction of the national migration policy, methods of state regulation maintaining the balance within the national economic system should be considered. Another important direction of the inner migration policy should become the migrants themselves, considered as individuals and as members of foreign households (families).

The external priorities of the modernization of the Russian migration policy are rejection of the universalization principle and implementation of bilateral agreements between the Russian Federation and foreign countries. In the framework of the proposed version of the national migration policy the rules for the implementation of initiatives of foreign migrants will depend on the country - of origin of a migrant (viz. the existence of specialized agreements between Russia and the countries of origin of a migrant, the content of those agreements).

References

1. Barnum H.N., Sabot R.H. Education, Employment Probabilities and Rural-Urban Migration in Tanzania. In: Probabilities and Rural-Urban Migration in Tanzania, 1975, p. 221. Available at: <http://www-wds.worldbank.org/external> (accessed 11 March 2015).
2. Levy M.E., Wadycki W.J. Education and the Decision to Migrate: An Econometric Analysis of Migration in Venezuela. In: *Human Capital: Migration and Rural Population Change*, 1974. pp. 70-88. Available at: <http://reap.ucdavis.edu/research/Human.pdf> (accessed 11 March 2015).
3. Rempel H., Lobdell R. The role of urban-to-rural remittances in rural development. *Journal of Development Studies*, 1978, vol. 14, pp. 324-341.
4. Rodriguez E. Horton S. International return migration and remittances in the Philippines. In D. O'Connor and L. Farsakh (eds.), *Development Strategy, Employment and Migration. Country Experiences*, Paris, OECD Development Centre, 1994.
5. Taylor J. Ed., Martin Ph. L. *Human Capital: Migration and Rural Population Change*. Available at: <http://reap.ucdavis.edu/research/Human.pdf> (accessed 11 March 2015).
6. Falaris W.M. Lifetime Migration in Colombia: Tests of the Expected Income Hypothesis. *Population and Development Review*, 1987, vol. 5 (June), pp. 72-73.
7. Barkley A.P. The Determinants of the Migration of Labor out of Agriculture in the United States, 1940-85. *American Journal of Agricultural Economics*, 1990, vol. 72(3), pp. 567-573.
8. Emerson R.D. Migratory Labor and Agriculture. *American Journal of Agricultural Economics*, 1989, pp. 617-629. Available at: <http://www.irl.berkeley.edu/> (accessed 12 March 2015).
9. Porter M. *Competitive advantage: How to achieve high results and to ensure its sustainability*. 2005. (Russ. ed.: Kalinina E., Moscow, Alpina Publ., 2008. 720 p.)
10. Delyagin M. G. *Mirovoy krizis: obshchaya teoriya globalizatsii* [World crisis. The General theory of globalization]. Moscow, IN-FRA-M Publ., 2003. 768 p.

Поступила в редакцию 21.05.2015

Received June 21.05, 2015

For referencing:

Kozlova E.V. Sovremennyye teorii mezhdunarodnoy trudovoy migratsii kak metodologiya razrabotki otechestvennoy migratsionnoy politiki [Modern theories of international labor migration as a methodology for the development of the national migration policy in Russia]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Ekonomika – Tomsk State University Journal of Economics*, 2015, no. 2 (30), pp. 127-137.